

## Александр Бирштейн

# Я учусь, Саша!

Он говорил:

– Тезка, в том дворе таки жили приличные люди. Папаша Ильф с сыновьями, сын мадам Бланк...

Я недоуменно смотрел на него.

– Да-да, – продолжал Саша, – Дмитрий Ульянов тоже там жил. И я тебе скажу, соседи говорили, что вел себя хорошо.

Это я задал Саше вопрос насчет населения дома № 9 по Малой Арнаутской.

– И Бялик! – добавляю я, стремясь показать эрудицию.

Саша Розенбойм легко соглашался.

– И он... В бельэтаже, во дворе... Его туда пристроил издатель Иегошуа Равницкий, он тоже там жил. А за их гостей тоже надо два слова сказать. Заходили тут М. Дизенгоф, М. М.-Сфорим, С. Фруг... Ну, конечно, В. Жаботинский – лучший переводчик стихов того Бялика на русский язык.

Саша блестяще говорит и пишет по-русски. Его книги написаны прекрасным языком. Но в разговоре со своими он слегка утрирует, приближая свою речь к старой одесской.

– Хаим Циклис – отец известного одесского врача Ильи Ефимовича Циклиса. А хозяином дома был Моисей Хаимович Вольф.

Я приходил к Саше в общинный центр «Мигдаль», где он работал. Приходил на минутку, что-то выяснить, узнать, а застревал на часы.

Во-первых, я получал анекдот. Он знал их невероятно много. И все они были хорошими.

Во-вторых, я получал историю какой-нибудь очередной Сашиной находки.

В третьих... В третьих, мы просто трепались. Разве это плохо?

Лет десять назад мы стали регулярно видаться на вечерах и вечеринках Всемирного клуба одесситов. Там у нас была своя тайна-уговор. При каждой встрече Саша должен был рассказать мне новый анекдот. При каждой!

А я... Ну, ладно, теперь можно. По кодовому слову, которое знали только я и Саша, я должен был принести в курилку рюмку водки. Но тихо-тихо, чтоб Сашина жена Мила не заметила! И приносил. И не замечала! Вот какие мы замечательные конспираторы были.

Я вот что подумал. Ну, прочтет кто-нибудь то, что я написал, и решит, что мы ничем, кроме анекдотов и выпивки, не занимались. Не так это, дорогие граждане-гражданочки, далеко не так!

Саша, Александр Розенбойм, писатель, краевед, журналист, писавший под именем Ростислав Александров, – слышали? – написал много прекрасных и очень нужных книг.

Как он успевал? Работа в «Мигдале», работа в благотворительной газете, экскурсии с такими непутевыми одесситами, как я... И книги, книги, книги...

О Сашиных экскурсиях поговорим еще, а сейчас о книгах.

Раз-два в году получал я по электронной почте сообщение:

«Вышла книга. Саша! Имею заверить, что при первой, заранее оговоренной встрече – книга за мной, сиречь у тебя! Привет, С.».

Ага. Тот случай. Стану я ждать. Оговоренная встреча, может, через аж три дня произойдет. И я звонил, договаривался, встречался, получал анекдот и вожделенную книжку. Вожделенную? Конечно! Все Сашины книги были, как в Одессе говорят, очень даже по делу. Они были живыми, содержали море новой увлекательной информации.

Я тогда только осваивал прогулки по Одессе. Выбирал улицу, а на ней дома, искал историю этих домов, имена необычных жильцов, их биографии...

Сашины книги были просто бесценны. Очень скоро они становились похожими на ежей, столько закладок торчало из них.

Ну и, конечно, я задавал вопросы по электронной почте. И непременно получал ответы.

– Саша! Что ты знаешь о Бунина, 28?

Ответ приходил вскоре:

– Саша! Ничего не известно, кроме того, что в 1907 году он принадлежал некоему Джермани К.П. Если не ошибаюсь, там на лестничной площадке парадной со стороны улицы были барельефы, изображающие весь процесс приготовления вина, начиная со сбора винограда и до приема внутрь! Кажется, в этом доме. Но – могу ошибиться. Привет – С.

– Саша, мне очень нужны слова песни «Прощай, моя Одесса, прощай, мой карантин...». К. Паустовский пишет, что она была любимой у Сашки-музыканта. В Интернете не нашел. Помогите!

Я тогда вместе с Игорем Лучинкиным писал пьесу по повести К. Паустовского «Время больших ожиданий». И хотел вставить сцену похорон Сашки-музыканта. А когда его хоронили, завсегда-таи «Гамбринуса» якобы пели эту песню.

– Саша! Я никогда этой песней не интересовался, поелику понимаю, что К. П. по своему обыкновению придумал, что она была Сашкина любимая. Но слушай сюда. Посылаю тебе имя сайта, войди, там черное окно появится, включись и послушай. Там в старой записи каторжная песня «Погиб я мальчишка», длинная, поимей терпение и дождись интересующих тебя строк. Похоже, что это именно она, но название ее классическое. Можешь записать с голоса столько, сколько тебе нужно. Попробуй!!!! Если все получится и тебе подойдет, то и мне будет приятно. Твой С.

Подошло! Еще как! И я сообщил об этом Саше. И тут же получил ответ.

– Саша, поверь, мне приятно то, что тебе полезно!!!! А.

Повторяю, если кто не понял. Саша прекрасно и литературно знал русский язык. Но любил так прикалываться. «Мине», «тибе» – нам можно. Мы ж свои, одесситы!

Я обожал прогулки с Сашей. Он выбирал такие маршруты, чтоб суметь максимально поделиться изюминками – информацией, которую он трудами своими добыл, но не жалко отдать «в хорошие руки». Шашины рассказы о домах, людях, их поступках и взаимоотношениях я запоминал сразу. Более того, поймал себя

на том, что, когда вожу своих гостей по городу, сохраняю не только Сашины маршруты, но и интонации.

К концу прогулки мы оба уставали. Отдых был необходим. Захватив бутылку беленькой, селедочку, что-то еще, мы шли к Боре в «Оптимум». «Оптимум» – это издательство, а Боря его директор. Селедка, лучок, вкусная водочка... Что может быть лучше?

Но было, было, было лучше! Это когда приезжал из своего Любека на месяц Марк Соколянский. Наш друг. Наш четвертый. А раз четвертый, был и третий, конечно. Аркаша Креймер, как без него?

Без него... Ох, как плохо без него! И плохо без Саши! Так плохо...

А тогда все были на месте. Выпивали, конечно. И так сладко говорили! О чем? Да обо всем! Вы знаете, какое это счастье иметь друзей, с которыми можно говорить обо всем!

Я издал «Воспоминания» Владимира Федоровича Лазурского, доктора филологии, основателя кафедры зарубежной филологии в Новороссийском – ныне Одесском – университете. Конечно же, я немедленно презентовал Саше эту книгу. Вообще, у нас была добрая и важная традиция дарить свои книги друг другу. Саша обрадовался подарку. А на следующий день я получил от него письмо по электронке.

«Дорогой тезка Саша! Сказать спасибо – ничего не сказать!!!! И ишо то, что ты сам знаешь: великое дело ты делаешь. Ты вернул Одессу 1892 года! Теперь ты вернул Одессе Лазурского, причем не какой-то опус «за него», а от первого лица достойного и приличного, как говорили в Одессе, человека. Это – долг памяти, это святое дело потомков! Тебе зачтется!!!! Твой С.».

Ох, Саша! Ты был добр. Так добр. Я просто, как мог, учился у тебя. Учился, гуляя с тобой, читая твои книги, чего греха таить: и выпивая с тобой. Ты был мудр, щедр и, повторюсь, очень добрым.

Я помню тебя и никогда не забуду. Я читаю-перечитываю твои книги.

Я учусь, Саша, учусь!

